

ГРОДНЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ
ПО
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:

Купеческая ул. Соборный домъ.

Годовая цѣна 5 рублей.

№ 40.

При напечатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки, взимается:

За одинъ разъ 10 коп.

• два раза 15 •

• три раза 20 •

ОТДѢЛЪ I ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Епархіальныя распоряженія и извѣщенія.

Резолюціями Его Преосвященства: отъ 24 сентября за № 3025, псаломщикъ Полонковской церкви, Волковыскаго уѣзда, Сумеонъ **Тиминскій**, согласно прошенію, уволенъ отъ занимаемой должности.

— отъ 28 сентября за № 3058, преподано **Архипастырское благословеніе** крестьянину дер. Бабики, Сокольскаго уѣзда, Викентію **Кешицкому** за пожертвованіе имъ въ Самогрудскую церковь большого распятія („Голгоа“), стоимостью 50 рублей.

— Подоросскій благочинный, рапортомъ отъ 24 сентября 1903 года за № 446, донесъ, что Г. Виленскій, Ковенскій и Гродненскій генераль-губернаторъ, князь **Святополкъ-Мирскій** пожертвовалъ на возобновленіе храма въ м. Порозовѣ, Волковыскаго уѣзда, 100 рублей.

— Каменецкій Благочинный, рапортомъ отъ 24 сентября 1903 г. за № 281, донесъ, что 25 іюля, Г. Виленскій, Ковенскій и Гродненскій генераль-губернаторъ, князь **Святополкъ-Мирскій**, посѣтивъ Дмитровичскую церковь, Брестскаго уѣзда, пожертвовалъ на нужды храма 25 рублей.

НЕКРОЛОГЪ.

4 сентября скончался отъ воспаления почек псаломщикъ Ятвѣсской церкви, Гродненскаго уѣзда, Константинъ **Главацкій** на 45 году жизни, оставивъ послѣ себя жену и пятеро непристроенныхъ дѣтей.

16 сентября скончался псаломщикъ Дмитровичской церкви, Брестскаго уѣзда, Порфирій **Юзвюкъ** на 73 году жизни, оставивъ послѣ себя жену и двое непристроенныхъ дѣтей.

Вакантныя мѣста.

Священника: въ с. Сасинѣ, Брестскаго у. (3).

Псаломщиковъ: въ с. Полонкѣ, Волковыскаго уѣзда (1), с. Дмитровичахъ, Брестскаго уѣзда (1) и с. Ятвѣсскѣ, Гродненскаго уѣзда (1).

ОТДѢЛЪ II НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

ХРОНИКА.

— 28 сентября Его Преосвященство совершилъ Божественную литургію въ Кафедральномъ соборѣ, въ сослуженіи соборнаго духовенства.

— 30 сентября, наканунѣ праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, всенощное бдѣніе и 1 октября—въ самый праздникъ Божественную литургію Его Преосвященство совершилъ въ Борисо-Глѣбскомъ монастырѣ въ сослуженіи братіи монастыря. Поученіе произнесено священникомъ Петромъ Дедевичемъ.

Защита св. апостоломъ Павломъ своего апостольскаго достоинства.

ЖЕ въ первые годы своего существованія Христова Церковь должна была выдержать не легкую борьбу за чистоту и цѣлость своего ученія и за самостоятельность своего существованія. Первыми врагами ея въ этомъ отношеніи были „лжеапостолы, лукавые дѣлатели

(2 Кор. 11, 13). Они вышли из среды иудейства, сдѣлались христианами только по имени, а въ дѣйствительности остались истыми иудеями, горячими читателями закона и поборниками обязательности его для Церкви Христовой. Понятно, что такіе ревностные рабы закона не могли быть терпимы въ церкви — царствѣ благодати и свободы, поэтому Церковь, хотя и кротко, но весьма ясно высказалась на апостольскомъ соборѣ противъ ихъ ложнаго, несогласнаго съ духомъ христианства направленія. Тѣмъ не менѣе соборное рѣшеніе не образумило иудействующихъ, они еще болѣе расширили свою вредную дѣятельность и стали систематически разрушать дѣло Христова благовѣстія среди язычниковъ. На этомъ пути они по необходимости должны были встрѣтиться съ борцомъ за христианскую свободу, врагомъ подзаконнаго рабства, апостоломъ языковъ — Павломъ. Никто изъ апостоловъ такъ горячо и такъ успѣшно не отстаивалъ христианской свободы, какъ онъ. И живымъ словомъ проповѣди, и пламенными своими посланіями апостолъ провозглашалъ, что „древнее прошло, теперь *все* новое“ (2 Кор. 5, 17), что мы „не подъ закономъ, но подъ благодатію (Рим. 6, 14)“ что „дѣлами закона не оправдается предъ Нимъ никакая плоть“ (— 3, 20). Апостолъ своимъ могучимъ словомъ, подкрѣпляемымъ святою подвижническою жизнію, не только успѣшно парализовалъ усилія иудействовавшихъ, но и грозилъ съ корнемъ уничтожить ихъ преступную дѣятельность. Все это юдаисты ясно видѣли и понимали. Не могли же они въ самомъ дѣлѣ не замѣтить той энергіи и неутомимости, того самоотверженія и самозабвенія, съ которыми апостолъ сѣялъ слово Божіе въ Азіи и Европѣ. При такихъ обстоятельствахъ юдаистамъ представилась весьма естественная мысль — въ свою очередь направить всѣ свои усилія лично противъ апостола, возбудить противъ него подозрѣнія въ основанныхъ имъ церквахъ, подорвать его авторитетъ и такимъ косвеннымъ путемъ добиться прямой своей цѣли — торжества надъ ученіемъ свободы во Христѣ. Расчетъ былъ вѣренъ, если принять во вниманіе, что въ то время въ глазахъ христианина, особенно изъ язычниковъ, ученіе тѣсно соединялось съ именемъ проповѣдника его (1 Кор. 3). Какія же средства избрали юдаисты для выполнения своего хитраго плана? Апостолъ Павелъ свято и безупречно проходилъ свое высокое и многотрудное служеніе. Поэтому, чтобы унижить его въ глазахъ христианскаго міра, оставалось только одно средство — *гнусяная, ничѣмъ не стѣсняющаяся клевета*. Юдаисты и хватились за нее. За успѣхъ имъ ручались съ одной стороны и ихъ собственные нравственные качества, съ другой — положеніе апостола Павла въ Церкви. Юдаисты были людьми дѣятельными (Филип. 3, 2) и, очевидно, убѣжденными въ правдѣ своего дѣла, но и наглыми и безсовѣстными, чтобы предъ чѣмъ-либо остановиться при достиженіи своихъ цѣлей (Филип. 3, 2. 2 Кор. 11, 13). Что же касается апостола, то для него представлялись большія затрудненія, во 1-хъ въ томъ, что онъ не былъ изъ числа двѣнадцати апостоловъ, и во 2-хъ въ томъ, что поле его дѣятельности было слишкомъ обширно, ему не было возможности услѣдить за всѣмъ, происходившимъ въ основанныхъ имъ церквахъ, куда, поэтому, легко было прокрадываться волкамъ въ овечьихъ кожахъ. Вотъ, такъ сказать, та нравственная и матеріальная обстановка, среди которой пришлось бороться апостолу съ юдаистами. Борьба обѣщала быть суровой и безпо-

щадной. Тутъ вступали въ состязаніе два міра — одряхлѣвшей и отживающей иудейскій и юный, полный силъ и обаянія христианскій. Характеръ и значеніе ея глубоко понималъ св. Павелъ и это пониманіе невольно наполняетъ душу его разнообразными чувствами, выливающимися въ его пламенныхъ апологетическихъ рѣчахъ. Слышатся въ нихъ и священное негодованіе на хулителей его апостольства и проповѣдуемаго имъ ученія, и глубокая, тихая скорбь о погибели лжеучителей и ихъ слушателей, уклоняющихся отъ пути праваго ученія, и мучительная душевная тревога за вѣрныхъ своихъ послѣдователей. Эти чувства чередуются въ пламенномъ теченіи рѣчи апостола, дѣлаютъ ее отрывочной, богатой рѣзкими переходами. Такое общее впечатлѣніе получается при чтеніи апологій св. ап. Павла и не будетъ ошибкою сказать, что въ этой непосредственности чувства, въ страстности и порывистости — господствующій ея тонъ и характеръ.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію содержанія апологій св. Павла, необходимо имѣть въ виду, что борьба его съ юдаистами продолжалась въ теченіе всей его жизни, поэтому слѣды ея мы находимъ почти во всѣхъ его посланіяхъ, хотя наиболѣе она отразилась въ посланіяхъ къ Галатамъ и во 2-мъ къ Коринѣянамъ. По этому, чтобы составить себѣ ясное понятіе о томъ, въ чемъ именно обвиняли апостола юдаисты и какъ онъ оправдывалъ свое апостольское достоинство, представляется необходимымъ имѣть въ виду вообще Павловы посланія, выдѣлить изъ нихъ тѣ обвиненія, которыя возводились на апостола юдаистами и показать ихъ взаимную связь и зависимость, а затѣмъ то же самое сдѣлать и съ защитительными, апологическими разсужденіями апостола, и тогда мы оцѣнимъ съ одной стороны то, насколько серьезны были обвиненія юдаистовъ и насколько могла казаться убѣдительною апологія апостола и для обвинителей, и для христианъ — его учениковъ.

Павелъ не можетъ быть названъ апостоломъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, — говорили юдаисты: онъ не видѣлъ Господа собственными своими очами (1 Кор. 9, 1—2), а если такъ, то и не былъ призванъ Господомъ на дѣло благовѣтствованія. Если же онъ все таки проповѣдуетъ Евангеліе, то, можетъ быть, дѣлаетъ это по порученію какихъ-нибудь лицъ, а можетъ быть и самъ отъ себя; въ такомъ случаѣ евангеліе, проповѣдуемое имъ, — не отъ Бога, но отъ людей (Гал. 1, 11—13). Такъ какъ Павелъ не избранъ Богомъ на дѣло благовѣстія и проповѣдуетъ то Евангеліе, которому научился отъ людей, то его дѣятельность — его личное дѣло. Онъ дѣйствуетъ отъ себя, чрезъ себя и на свой страхъ (1 Кор. 1. 1. 2 Кор. 12, 1. Гал. 1, 15). Само собою понятно, заключали юдаисты, что при такихъ условіяхъ Павелъ проповѣдуетъ не истинное евангельское ученіе (2 Кор. 4, 2), повреждаетъ слово Божіе (— 17). Не этими ли же условіями объясняется и то, что ученіе его „покровенно“ — неудобопонятно (12 Кор. 4, 3), а также и то, что онъ одинъ разъ учитъ такъ, въ другой иначе (2 Кор. 1, 18). Что Павелъ дѣйствуетъ не по Божественному призванію и изволенію, видно изъ того, что у него нѣтъ апостольской смѣлости, мужества, рѣшительности. Онъ не увѣренъ въ себѣ, боязливъ. Гдѣ слѣдовало бы ему воспользоваться своимъ апостольскимъ вліяніемъ и авторитетомъ, при обличеніи ли то тяжкихъ грѣшниковъ, при искоре-

неній ли пороковъ въ церкви, онъ является малодушнымъ человѣкомъ, онъ осмѣливается возвышать свой голосъ только въ посланіяхъ, тутъ онъ дѣйствительно строгъ, потому что въ этомъ случаѣ онъ въ безопасности, а придется къ дѣлу, онъ является слабымъ, дрожить, за свое положеніе (2 Кор. 10, 1, 9—10, 11). Эта боязнь Павла за прочность своего положенія и вліянія служитъ причиною того, что онъ иногда не пользуется плодами отъ своего благовѣствованія въ основанныхъ имъ церквахъ, ничего не беретъ для своего матеріальнаго обезпеченія (2 Кор. 11, 7; 12, 13). Но и въ этомъ случаѣ онъ обнаруживаетъ себя съ крайне несимпатичной стороны. Не осмѣливаясь открыто и честно пользоваться содержаніемъ, какъ это подобало бы истинному апостолу и честному человѣку, Павелъ, коварный и хитрый, все таки своего не упускаетъ, пользуясь нечистыми, лукавыми средствами (2 Кор. 12, 16). Да и вообще это человѣкъ неразборчивый въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей. Онъ не останавливается предъ человѣкоугодничествомъ (Гал. 1, 10), позволяетъ себѣ хвастаться своими заслугами и достоинствами (2 Кор. 10, 8, 13—17; 12, 6). Въ довершеніе къ этимъ чисто нравственнымъ недостаткамъ, Павелъ не можетъ похвалиться и большимъ умомъ, и даромъ слова, и своими физическими качествами: рѣчь Павла „незначительна“, онъ „невѣжда въ словѣ“, онъ—человѣкъ жалкой невзрачной наружности (2 Кор. 10, 10; 11, 6; 1 Кор. 4, 10; 2 Кор. 4, 7).

Таковы были навѣты враговъ апостола Павла. Всѣ они стоятъ въ самой непосредственной связи съ главнымъ обвиненіемъ: Павелъ не призванъ Богомъ къ апостольскому служенію, онъ не истинный апостолъ.

Понятное дѣло, что на этотъ существенный и основной обвинительный пунктъ апостолъ Павелъ долженъ былъ обратить самое серьезное вниманіе. Если ему удастся показать надѣльность, несостоятельность этого главнаго обвиненія, то вмѣстѣ съ этимъ онъ обнаружитъ несостоятельность и нецѣльность всѣхъ обвиненій второстепенныхъ, тѣсно съ нимъ связанныхъ.

Апостоломъ я сталъ не своевольно и не по человѣческому избранію и опредѣленію, говоритъ апостолъ. Еще отъ чрева матери моей я предопредѣленъ Богомъ Отцомъ на апостольское служеніе; въ этомъ отношеніи, значитъ, я не сегодня и не вчера явился. Въ предопредѣленный же Богомъ историческій моментъ Богъ Отецъ благоволилъ благодатию своею призвать меня чрезъ Иисуса Христа и чрезъ меня явить Его языкамъ (Гал. 1, 1, 15—16)*. Такимъ образомъ, я апостолъ не волею своею, или волею людей, а „волею Божіею“ (1 Кор. 1, 1; 2 Кор. 1, 1; Ефес. 1, 1; Колос. 1, 1; 2 Тим. 1, 1) и по повелѣнію не людскому, а „по повелѣнію Бога Спасителя нашего и Господа Иисуса Христа“ (1 Тим. 1, 1). Но не голословное ли это утверженіе, — могли спросить апостола, — чѣмъ онъ можетъ подтвердить справедливость своихъ словъ? Въ доказательство выше сказаннаго Павелъ представляетъ свою жизнь и дѣятельность до обращенія и послѣ обращенія, жизнь хорошо извѣстную тогдашнему христіанскому міру. Вы слышали, говоритъ онъ читателямъ своихъ посланій, о моей жизни въ иудействѣ; знаете, какимъ горячимъ и ревностнымъ

*) Цитуемыя мѣста передаются въ свободномъ перифразѣ; сжато или намеками высказываемыя апостоломъ мысли представляются въ болѣе раскрытомъ видѣ. Въ пониманіи текста посланій руководствуемся толкованіями еп. Теофана.

охранителемъ отеческихъ преданій былъ я, какъ я превосходилъ въ этомъ отношеніи своихъ сверстниковъ и жестоко гналъ Церковь Божію (Гал. 1, 13—14; Филип. 3, 6). Что же вы теперь видите, какъ бы такъ спрашиваетъ Павелъ? Не то ли ученіе я теперь проповѣдую, которое я нѣкогда гналъ, и при томъ, какъ проповѣдую?—Проповѣдую, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ, лишениямъ, огорченіямъ; темницу, побои, кораблекрушенія, бѣды физическія, страданія нравственныя,—все это я переносилъ и переносу во имя того же благовѣствованія, которое я прежде такъ ненавидѣлъ (2 Кор. 11, 24—29). Не показываетъ ли этотъ чудный переломъ въ моей жизни, что моя дѣятельность исходитъ не отъ меня лично, не отъ людей, а источникомъ своимъ имѣетъ божественное призваніе? И оно дѣйствительно было, ибо мнѣ, какъ нѣкому извергу, благоволилъ явиться Господь (1 Кор. 15, 8). Апостолъ здѣсь указываетъ на общеизвѣстный тогда фактъ,—на свое чудесное видѣніе и обращеніе на пути къ Дамаску (Дѣян. 9, 3—9),—фактъ непоколебимой достовѣрности, совершившейся при многихъ свидѣтеляхъ (— ст. 7). Это мое обращеніе и призваніе,—говоритъ апостолъ,—поставило меня въ одинаковое положеніе со всѣми Апостолами Христовыми. Съ этихъ поръ „я не сталъ уже совѣтоваться съ плотью и кровью“, такъ какъ не считалъ это необходимымъ, и непосредственно послѣ своего призванія не направился въ Иерусалимъ (Гал. 1, 16—17). Такимъ образомъ, апостолъ доказалъ, что по своему избранію и призванію на апостольское служеніе онъ нисколько не ниже другихъ апостоловъ.

Но можетъ быть Павелъ ниже другихъ по своимъ апостольскимъ трудамъ и подвигамъ? Нѣтъ, говоритъ апостолъ, у меня „ни въ чемъ нѣтъ недостатка противъ высшихъ апостоловъ“ (2 Кор. 11, 5; 12, 11). Мои труды не уступятъ ихъ трудамъ, напротивъ,—я „болѣе всѣхъ ихъ потрудился“ при содѣйствіи благодати Божіей, которой я готовъ все приписать въ этомъ отношеніи (1 Кор. 15, 10). Такъ какъ съ великими подвигами неизбѣжно соединяются и великія лишенія, страданія физическія и нравственныя, то и я ихъ много претерпѣлъ и гораздо болѣе чѣмъ другіе апостолы (2 Кор. 11, 23—32). Такова моя дѣятельность и она можетъ служить признакомъ истиннаго моего апостольства (2 Кор. 12, 12). Но, вѣдь истинные апостолы не только призываются благодатию Божіею, не только при содѣйствіи ея совершаютъ великіе подвиги, но на всемъ теченіи своей жизни и дѣятельности удостоиваются откровеній Божіихъ. Не ниже ли ап. Павелъ въ этомъ отношеніи другихъ апостоловъ? Не только Богъ удостоилъ меня откровеній, отвѣчаетъ Павелъ, но я могъ бы похвалиться откровеніями чрезвычайными, могъ бы рассказать о видѣніяхъ, которыя со мной дѣйствительно были (2 Кор. 12, 1—8). Такимъ образомъ, изъ сказаннаго слѣдуетъ, что Павелъ имѣетъ такія же права на достоинство апостольское, какъ и другіе апостолы. Если же такъ, если Павелъ такой же апостолъ, какъ и „мнимые столпы церкви“, то можетъ ли быть сомнѣніе въ неистинности проповѣдуемаго имъ евангелія? При моемъ избраніи Богъ благоволилъ во мнѣ открыть Сына своего. Развѣ этого недостаточно, чтобы слово проповѣдуемое мною было истинной? Что оно дѣйствительно было истиннымъ Евангеліемъ Христовымъ, показываетъ тотъ фактъ, что, когда я пришелъ въ Иерусалимъ послѣ четырнадцатилѣтняго пропо-

вѣданія Евангелія, которому я научился не у людей, а у Бога чрезъ Его откровеніе, и предложилъ благовѣствованіе, проповѣдуемое мною язычникамъ, вниманію знаменитѣйшихъ апостоловъ, они ничего въ немъ не нашли достойнаго осужденія, и я вмѣстѣ со своимъ спутникомъ Варнавою былъ принятъ апостолами въ общеніе. Такимъ образомъ, и Евангеліе благовѣствуемое мною, и мое дѣло признаны безупречными, не смотря на то, что этому торжественному признанію сильно хотѣли помѣшать „вкравшіеся лжебратья“ (Гал. 1, 15—24; 2, 1—10). Значитъ, я не повреждаю Евангелія, не искажаю слова Божія (2 Кор. 4, 2).

Ученіе ап. Павла юдаистамъ казалось прикровеннымъ: отсюда они дѣлали заключенія къ его неправильности. Не опровергая такого не совсемъ логичнаго вывода, апостоль замѣчаетъ, что его ученіе закрыто только для погибающихъ, для невѣрующихъ, у которыхъ Богъ вѣка сего ослѣпилъ умы, чтобы для нихъ не возсіялъ свѣтъ благовѣствованія о славѣ Христа (2 Кор. 4, 4). Слѣдовательно, не онъ виноватъ въ томъ, что юдаисты не понимаютъ его ученія; виноваты они сами; на нихъ только обнаруживается дѣйствіе закона:—„душевный человекъ не принимаетъ того, что отъ духа“ (1 Кор. 2, 14). Мое ученіе, — говоритъ апостоль, — вытекаетъ изъ сердца моего, озареннаго, просвѣщеннаго Богомъ; цѣль его — просвѣщеніе людскихъ сердецъ; поэтому оно открыто предъ Богомъ и предъ человѣческой совѣстію (2 Кор. 4, 3—4; 5, 11).

Если Павелъ — истинный апостоль, призванный Христомъ на апостольскую проповѣдь, если онъ, дѣйствуя подъ водительствомъ благодати Божіей, проповѣдуетъ истинное Евангеліе, то можно ли предполагать въ немъ колебанія, неустойчивость въ проповѣдуемомъ ученіи? Евангеліе проповѣдуемое мною, — говоритъ апостоль, — не человѣческое, а принято мною отъ Бога (Гал. 1, 11—12), оно возвѣщаетъ о Сынѣ Божіемъ, который не былъ „да и нѣтъ“, но въ немъ было да; если такъ, то понятно, и проповѣдь не можетъ быть — „да и нѣтъ“, чѣмъ-то неустойчивымъ, колеблющимся. Помимо этого, такъ сказать, апіорнаго соображенія ап. опровергаетъ разбираемый обвинительный пунктъ историческими фактами. Когда я вмѣстѣ съ Титомъ прибылъ въ Иерусалимъ, — говоритъ апостоль, — не смотря на то, что я очутился въ самомъ центрѣ своихъ враговъ, я ни на часъ не уступилъ имъ, нисколько не поколебался. (Гал. 2, 1—5). Въ другой разъ въ Антиохіи „я лично противостоялъ Петру“, когда замѣтилъ, что онъ, окруженный юдаистами, къ соблазну христіанъ изъ язычниковъ, оказался не на высотѣ своего апостольскаго званія и достоинства (Гал. 2, 1—5). Если бы я не былъ устойчивъ самъ въ своемъ ученіи, то я разрушалъ бы то, что созидаю и явился бы, такимъ образомъ, преступникомъ (Гал. 2, 18).

Достоинство Павла, какъ истиннаго апостола, высота и чистота проповѣдуемаго имъ ученія, сами собою удаляютъ мысль, чтобы онъ поступалъ „по плоти“, въ своей дѣятельности прибѣгалъ къ низкимъ средствамъ: челоукоугодничеству, лицемѣрью, хитрости, хвастовству. Въ простотѣ, чистотѣ Божіей, а не въ мудрости плоти жилъ я въ мірѣ, а особенно у васъ, — говоритъ апостоль своимъ коринѣскимъ ученикамъ. Свидѣтелемъ этого — моя совѣсть (2 Кор. 1, 12). Хотя я и во плоти, но средства моей дѣятельности и борьбы съ заблужденіями

не плотскія (— 10, 3). Я не челоукоугодникъ, такъ какъ челоукоугодничество противорѣчило бы моему званію: я не былъ бы рабомъ Христовымъ (Гал. 1, 10). Напротивъ, къ дѣлу евангельскаго ученія, въ интересахъ вѣрующихъ я не смотрю на лица. Вспомните, — обращается апостоль къ Галатамъ, — то время, когда я смѣло обличилъ Петра; не посмотрѣлъ я тогда на то, что это былъ человекъ великаго авторитета, столпъ церкви; не утратился я бывшихъ при Петрѣ враговъ моихъ и противниковъ моего ученія. Если при такихъ обстоятельствахъ я дѣйствовалъ открыто и смѣло, не взирая ни на что, то такъ же я поступаю и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Меня обвиняютъ въ лицемѣрной строгости и боязливости, — будто я только въ посланіяхъ строгъ, а при личномъ свиданіи со своими учениками слабъ и уступчивъ. Думающіе такъ пусть знаютъ, что здѣсь проявляется вовсе не слабость; каковъ я на словахъ въ посланіяхъ заочно, таковъ и на дѣлѣ лично (2 Кор. 10, 11), и прошу не доводить меня до употребленія свыше полученныхъ мною правъ примѣнять строгія мѣры къ грѣшникамъ (— 2—6); при личномъ свиданіи я могу быть строгимъ и немалымъ (2 Кор. 13, 12). Въ писемъхъ я строгъ къ своимъ ученикамъ и послѣдователямъ для ихъ же собственной пользы, чтобы, когда мнѣ придется увидѣться съ ними, я не былъ вынужденнымъ примѣнять къ нимъ мѣры строгости. Развѣ имъ лучше было бы, если бы я пришелъ къ нимъ не съ духомъ кротости и любви, а съ жезломъ строгости (1 Кор. 4, 21)? Значитъ, не слабость или нерѣшительность руководить моими дѣйствіями, а отеческая любовь, забота о духовно-нравственномъ усовершенствованіи врученныхъ моему попеченію. Я свидѣтельствую своею совѣстью, что я жилъ и живу въ простотѣ и богоугодной искренности, проповѣдуя слово Божіе искренно „какъ отъ Бога, предъ Богомъ во Христѣ“ (1 Кор. 2, 17). По этому мнѣ не было и нѣтъ надобности прибѣгать къ такимъ средствамъ, какъ тайная переписка: я пишу къ своимъ ученикамъ не иное что, какъ то, что всѣ они читаютъ (2 Кор. 1, 13).

Съ такою же чистотой задачъ и цѣлей апостоль старается проходить апостольское свое служеніе совершенно безкорыстно, никого не обременяя. Въ этомъ нельзя видѣть того, что видятъ юдаисты — опасеніе за прочность полженія, боязливость, малодушіе. Я такъ поступаю съ тою цѣлью, — говоритъ апостоль, — чтобы возвысить свое истинно — апостольское служеніе надъ претупной дѣятельностью „лжеапостоловъ и лукавыхъ дѣлателей“, которые, распространяя свои заблужденія въ нѣкоторыхъ церквахъ, какъ, на примѣръ, въ Коринѣской, стараются себя вознаградить за свой трудъ. Я не хочу въ этомъ отношеніи равняться съ сѣятелями лжи, принявшими видъ истинныхъ апостоловъ (2 Кор. 11, 7, 15, 20; 12, 13). Я имѣю нравственное право пользоваться плодами благовѣствованія, имѣю право требовать матеріальной поддержки, — въ этомъ случаѣ я послѣдовалъ бы слову Господа, проповѣдующимъ Евангеліе жить отъ благовѣствованія. Однако я это не всегда дѣлалъ изъ уваженія къ Евангелію, „что бы быть соучастникомъ его“. Мое служеніе — подвигъ, награда за него — нетлѣнный вѣнецъ, а потому въ своей жизни и дѣятельности я долженъ поработать тѣло мое, т. е. стать въ независимое положеніе отъ всего тлѣннаго, матеріальнаго, „чтобы,

проповѣдую другимъ, самому не остаться недостойнымъ (1 Кор. 11—27). Такимъ образомъ, совершенное безкорыстіе ап. Павла вызывается весьма серьезными объективными и субъективными основаниями. Къ этому его обязываетъ званіе апостольское, которое не можетъ терпѣть сопоставленія съ лжеапостольствомъ юдаистовъ; этого требуетъ Евангеліе, наконецъ, этого требуетъ его внутренній человекъ, прозрѣвающий сквозь рядъ трудовъ и лишеній во имя Господне высшую награду, — нетлѣнный вѣнецъ.

Когда апостоль выясняетъ фактъ съ внѣшней стороны для всѣхъ очевидный, но мало понятный со стороны своего внутренняго содержанія, а потому подвергающійся перетолкованію, онъ довольствуется, такъ сказать, чисто теоретическими разсужденіями, какъ это мы видѣли непосредственно выше. Когда же ему приходится имѣть дѣло съ фактомъ измышленнымъ, онъ въ противовѣсъ ему констатируетъ фактъ противоположнаго характера и неопровержимой достовѣрности. Такъ поступилъ апостоль, когда ему пришлось оправдываться отъ обвиненія въ неустойчивости убѣжденій, въ боязливости и нерѣшительности. Такъ же поступаетъ апостоль, оправдываясь отъ взводимаго на него обвиненія въ томъ, что онъ въ основанных имъ церквахъ пользовался многими не честно, при посредствѣ лукавыхъ ухищреній. Пользовался ли я чѣмъ нибудь отъ васъ, — говоритъ ап. Павелъ Коринѣянамъ, — чрезъ кого — нибудь изъ тѣхъ, которые приходили къ вамъ отъ моего имени? Когда къ вамъ былъ присланъ мною Титъ, пользовался ли онъ чѣмъ нибудь у васъ, не такъ ли безкорыстно онъ поступалъ, какъ и я (2 Кор. 12, 17—18)?

Юдаисты, обвинявшіе Павла, не могли не знать, что онъ будетъ защищать свое апостольское достоинство. Поэтому они вознамѣрились замутить самый источникъ самосправданія апостола. Не вѣрьте тому, что Павелъ будетъ говорить въ свою защиту, предупреждали они его послѣдователей. Павелъ — человекъ хвастливый, онъ не задумается многое преувеличить, иное представить въ ложномъ свѣтѣ, а иное и выдумать. Въ отвѣтъ на это обвиненіе апостоль заявляетъ, что желаніе хвалиться не будетъ въ немъ безуміемъ, такъ какъ, если онъ будетъ хвалиться, то скажетъ правду (2 Кор. 12, 6). Стану я хвалиться своимъ апостольствомъ, — я буду правъ: я ничѣмъ не ниже другихъ апостоловъ (2 Кор. 12, 11; 11, 5). Похваюсь ли видѣніями и откровеніями, буду правъ (2 Кор. 12; 1, 7). Поведу ли рѣчь о силѣ и власти своей, данныхъ мнѣ по благодати Божіей, я не останусь въ стыдѣ (— 10, 8) Съ спокойной увѣренностію отбиваетъ этотъ навѣтъ юдаистовъ апостоль, но въ этомъ спокойствіи чувствуется скорбь чистой, смиренной души, вынужденной обстоятельствами выносить на судъ людской тѣ, что скрывалось въ завѣтныхъ ея тайникахъ. Апостоль часто оговаривается, часто повторяетъ, что все доброе въ немъ само и въ его дѣятельности дѣло благодати Божіей (1 Кор. 15, 10), что онъ самъ по себѣ ничто (1 Кор. 13, 2; 2 Кор. 12, 11) и можетъ похвалиться только своими немощами (2 Кор. 11, 30; 12, 9). Предъ его глазами съ особенною рельефностью выступаетъ то время, когда онъ былъ гонителемъ церкви Божіей, и онъ въ душевной горести восклицаетъ: я наименьшій изъ апостоловъ, даже недостоенъ называться апостоломъ, по тому что я гналъ церковь Божию (1 Кор. 15, 9)!

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ апологіей апостола противъ такихъ обвиненій юдаистовъ, которые, если бы оказались основательными, сопровождались бы самыми гибельными послѣдствіями какъ для дѣла апостола, такъ и для его послѣдователей. Но этими обвиненіями юдаисты не удовлетворились. Они задались цѣлю совѣсть очернить апостола, представить его ничтожествомъ не только съ внутреннѣй, но даже и съ внѣшней стороны. Мы уже видѣли, что юдаисты представляли Павла невѣжественнымъ въ словѣ (2 Кор. 11, 6) человекомъ невзрачнымъ, слабымъ (Гал. 4, 13; 2 Кор. 10, 10). Какъ повидимому ни незначительны эти обвиненія, апостоль долженъ былъ на нихъ остановиться: для человека не высокаго умственнаго и нравственнаго развитія внѣшность всегда имѣетъ важное значеніе. Очевидно между послѣдователями Павла были такіе люди и можно думать, что ихъ было и не мало. Апостоль долженъ былъ имъ доказать, что внѣшность въ дѣлѣ проповѣданія слова Божія не имѣетъ важности. Апостоль заявляетъ, что существо его проповѣди „не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы (1 Кор. 2, 4). Не предлагается оно въ „препетельныхъ словахъ человѣческой мудрости“ для того, чтобы вѣра Христова утверждалась не на мудрости человѣческой, но на мудрости Божіей (— 5). Изъ этого юдаисты и христіане могли заключить, что апостоль если бы захотѣлъ, могъ бы прибѣгнуть къ обычнымъ тогда приемамъ языческаго краснорѣчія, но не прибѣгаетъ къ нимъ изъ уваженія къ премудрости Божіей — предмету его проповѣди, и къ силѣ Божіей, чрезъ немощное слово его дѣйствующей въ людяхъ.

Что же касается до личныхъ немощей апостола, то онъ не имѣетъ той важности, какую хотятъ имъ придать юдаисты. Апостоль можетъ быть немощнымъ, отъ этого ничего не теряетъ ни личное его достоинство, ни проповѣдуемое имъ Слово Божіе. Юдаисты и ихъ слушатели должны знать, что „безумное Божіе мудрѣе человѣковъ и немощное Божіе сильнѣе человѣковъ“. Они должны знать, что для посрамленія гордыни міра Богъ избралъ немощное, ничего не значущее, безумное съ точки зрѣнія міра сего (1 Кор. 1, 25—29).

Въ заключеніе изложенія апологіи апостола Павла необходимо указать еще на одинъ источникъ, которымъ пользуется апостоль въ своей борьбѣ съ юдаистами. Это личное самосознаніе, чистая совѣсть его послѣдователей; къ этимъ судьямъ иногда взываетъ Павелъ. Если для другихъ я не апостоль, говоритъ онъ, то для васъ апостоль, ибо печать моего апостольства — вы о Господѣ. (1 Кор. 9, 2). Другими словами: дайте себѣ трудъ вспомнить, какъ вы сами сдѣлались христіанами, благодаря благодати Божіей и моимъ трудамъ, тогда вы узнаете, истинный я апостоль, или нѣтъ. Этотъ судъ вашей совѣсти — мое защищеніе противъ осуждающихъ меня (1 Кор. 9, 3)!

Протоіерей Н. Диковскій.

ОПЫТЪ ИСТОРИИ

ЗАМОЙСКАГО УНИАТСКАГО ПРОВИНЦІАЛЬНАГО СОБОРА.

(1720 г.)

ГЛАВА III.

Вышняя исторія Замойскаго собора.

(Продолженіе *).

Какъ приняли это исповѣданіе вѣры отцы собора? Различно было встрѣчено соборомъ предложеніе предсѣдателя произнести и подписать формулу вѣры п. Урбана VIII. Партія, наиболѣе дорожившая православною стороною униі, крайне возмутилась такимъ оборотомъ дѣла и наотрѣзь отказалась принять предложенное нунціемъ «*professio fidei*». Это были представители низшаго бѣлаго униатскаго духовенства (которые несомнѣнно присутствовали на первомъ засѣданіи), подписей которыхъ мы не находимъ подъ соборными постановленіями, и которые, понятно, не явились болѣе на засѣданія. Сначала также отказались отъ подписи предложеннаго нунціемъ исповѣданія вѣры и депутаты Львовскаго братства, и только потомъ, чуть ли не уже послѣ второго засѣданія, согласились уступить и подписали «*professio fidei*». Отказъ этихъ участниковъ собора вполне естественъ: «*professio fidei juxta formulam a Urbano VIII propositam*» заключало въ себѣ кратко всю систему католической догматики, и поступиться въ пользу ея православнымъ ученіемъ бѣлое униатское духовенство не могло изъ принципа. Можно, конечно, говорить о незнаніи имъ отличительныхъ особенностей католическаго и православнаго вѣроученія, но зачѣмъ требовать догматическихъ тонкостей, когда одного взгляда было достаточно, чтобы увидѣть въ указанной формулѣ чистое, неподкрашенное латинство. Съ другой стороны и то обстоятельство удерживало еще отъ принятія исповѣданія вѣры, что опредѣленіе догматики униатской не входило въ задачу собора, который долженъ былъ заняться одною дисциплинарною и обрядовою стороною. Если же соборъ прямо началъ съ этого конца, то можно было уже напередъ рѣшить, что и его обрядовыя и церковно-дисциплинарныя постановленія въ той же степени будутъ пропитаны духомъ латинства, какъ и указанная формула папы Урбана VIII. Но на такой компромиссъ бѣлое духовенство еще менѣе могло согласиться, потому что православный обрядъ въ главныхъ основаніяхъ сохранившійся неизмѣнно, являлся единственнымъ утѣшеніемъ его жизни и оно не могло допустить огульнаго осужденія и замѣны латинствомъ того, что составляло «плоть отъ плоти его и кость отъ костей его». Итакъ, одна часть съѣхавшихся на соборъ представителей униатской церкви отвергла предложенное предсѣдателемъ для подписи исповѣданіе вѣры. Но его приняли остальные члены собора во главѣ съ митр. Кишкой и униатскими епископами. Всѣхъ лицъ, произнесшихъ подъ клятвою упомянутое выше исповѣданіе вѣры, было 129, а именно: митрополитъ, семь епископовъ (арх. Лаврентій Друцкій-Соколинскій подписался подъ нимъ послѣ второго засѣданія (12 сентября), восемь архимандритовъ, 34 низшихъ монашествующихъ (*superiores, concionatores etc.*) и 79 декановъ и ихъ помощниковъ. Послѣ того, что мы выше говорили

о настроеніи членовъ собора, насъ не должно особенно удивлять то, какъ униаты могли принять чисто римское исповѣданіе вѣры. Въ настоящемъ случаѣ мы видимъ повтореніе той же сцены, какую 120 лѣтъ тому назадъ разыгралъ Римъ надъ первыми униатскими епископами — Ипатіемъ Поцѣмъ и Кирилломъ Терлецкимъ, заставивши послѣднихъ принять и исповѣдать католическое ученіе вѣры со всѣми его новшествами и отступленіями. Справедливо думать, что подписывавшіе на Замойскомъ соборѣ исповѣданіе вѣры, предложенное нунціемъ, видѣли во всемъ этомъ пустую формальность, ни къ чему равно не обязывающую. Что такъ именно смотрѣли на дѣло подписывавшіе «*professio fidei*» іерархи, это видно изъ того, что нунцій счелъ нужнымъ въ соборныхъ декретахъ отдѣльно трактовать латинскія догматическія мнѣнія, что, конечно, было бы излишнимъ, если бы нунцій не имѣлъ основаній заподозривать искренность отцовъ собора. Правда, произнесеніе формулы вѣры сопровождалось клятвою, не развѣ не могло быть здѣсь мѣста такому оправданію, что она не имѣетъ значенія, какъ вынужденная, вытребованная. Тѣмъ умѣстнѣе такое предположеніе при вниманіи къ обычному двоедушію, лицемерію и неискренности, съ какимъ, за рѣдкими исключениями, дѣйствовали представители униатской церкви, особенно же изъ высшей іерархіи, нерѣдко открыто признававшіе то, что втайнѣ отвергали и презирали. На этотъ разъ достаточно вспомнить примѣръ одного изъ лучшихъ униатскихъ епископовъ Якова Суши, который могъ клясться въ Римѣ на вѣрность папѣ и римской церкви и въ то же время всѣми силами отстаивать, даже на базилианскихъ конгрегаціяхъ цѣлость православнаго ученія и обрядовъ³⁵⁶. Если на кого и нельзя распространить цѣлкомъ высказаннаго положенія, то развѣ только на базилианъ. Среди нихъ не мало находилось такихъ, которые готовы были сдѣлать уступку латинству въ одномъ изъ самыхъ существенныхъ отличій послѣдняго отъ униатской церкви, т. е. въ области вѣроученія, и считали вполне естественнымъ и законнымъ тотъ переходъ къ латинству, который обозначался принятіемъ формулы Урбана VIII. Впрочемъ, мы должны оговориться, что это происходило не столько изъ неуваженія къ православной догмѣ и изъ убѣжденія въ истинности и святости католическаго ученія, сколько изъ обычнаго заискиванія и прислуживанья базилианъ Риму. Вообще для объясненія факта подписи Замойскимъ соборомъ римскаго исповѣданія вѣры нужно принять во вниманіе всю внѣшнюю и внутреннюю обстановку собора, подборъ участвующихъ лицъ, тайную агитацію латинянъ, недаромъ приславшихъ своихъ ученыхъ представителей на соборъ и т. д. Здѣсь была устроена представителямъ униатской церкви своего рода западня, расчитанная на могущество и силу папскаго велѣнія. Низшее бѣлое духовенство не дорожило протекторатомъ Рима и ничѣмъ не было связано съ нимъ, а потому и не убоилось громко выразить протестъ противъ религіознаго насилія. Но униатская іерархія и базилиане, только и державшіеся среди всѣхъ опасностей анархически-республиканской Польши защитою Рима, не могла объявить разрывъ съ римскою церковію и вынуждена была соглашаться на все, что ни потребуетъ папа или отъ его имени — нунцій. Для представителей униатской церкви это время было

³⁵⁶ Петрушевичъ, Холм. Епарх., стр. 63, см. прим. Петрушевичъ, Своди. лѣт., стр. 364.

*) См. Гродн. Епарх. Вѣд. № 39.

моментомъ наивысшаго сознанія всей оторванности уни и отъ православія и отъ латинства. Лишенные всякаго политическаго и церковнаго вліянія, униатскіе іерархи сами, собственными средствами не могли поддерживать угасавшую унию. Они должны были подчиняться требованію обстоятельствъ, создаваемыхъ римскою и польскою политикою. Замойскій соборъ представлялъ такую ловкую группировку этихъ обстоятельствъ и такъ хитро расположилъ программу своихъ дѣйствій, что рѣшительно не оставалось иного выхода, какъ только безмолвно принимать все, что укажутъ. Вотъ почему римское исповѣданіе вѣры было принято, подтверждено клятвою и собственноручно подписано отцами собора. Нунцій правильно считалъ, что если ему удастся склонить отцовъ собора къ принятію исповѣданія папы Урбана VIII, то и дисциплинарные и обрядовые вопросы будутъ проведены согласно и въ духѣ римской церкви. Если же отцы собора откажутся принять это исповѣданіе, — чего, однако, менѣе всего можно было ожидать, — то навѣрное нунцій поспѣшилъ бы объявить объ окончаніи и закрытіи собора, который представлялся въ такомъ случаѣ совершенно бесполезнымъ для латинской партіи. Нунцій хотѣлъ разсѣчь Гордіевъ узелъ однимъ ударомъ меча и, къ сожалѣнію, это ему удалось какъ нельзя лучше.

Получивши подъ исповѣданіемъ вѣры Урбана VIII подписи отцовъ собора, торжествующій нунцій поспѣшилъ закрыть первое засѣданіе, назначивши для открытія втораго 10 часовъ утра субботы 31-го августа ³⁵⁷). Однако впоследствии, по причинѣ нездоровья митр. Л. Кишки, какъ это замѣчено въ актахъ Замойскаго собора, засѣданіе отложено было на слѣдующій день — 1 сентября. Въ промежутокъ между первымъ и вторымъ засѣданіями латино-польская партія принуждала упорствующихъ признать исповѣданіе вѣры и быть готовыми къ подписи на второмъ засѣданіи. Это, надо полагать, и было причиною перенесенія втораго засѣданія впередъ на день отъ ранѣе объявленнаго срока.

1-го сентября (н. с.) отцы Замойскаго собора опять собрались въ упомянутой церкви. Предъ открытіемъ засѣданія митр. Кишка отслужилъ «missa cantata», нунцій прочелъ молитвы по римскому понтификалу, а собравшіеся — молитвы Св. Духу. Засѣданіе открыто. Прежде всего нунцій, по соглашенію съ униатскимъ митрополитомъ и епископами, приказалъ обнародовать съ амвона слѣдующіе папскіе декреты: 1) папскую буллу «Coena Domini», она читается въ римской церкви въ день вечера Господней съ цѣлью познакомить слушателей съ тѣми спорными вопросами, изложенными въ буллѣ, разрѣшеніе которыхъ предоставлено одному только папѣ; 2) конституцію папы Григорія XIV отъ 28 мая 1591 г., въ которой заключается перечень всѣхъ привилегій, данныхъ прислуживающимъ церквамъ и священнымъ мѣстамъ — *De immunitate, qua Ecclesia, loca Sacra et Religiosa gaudent*; 3) конституцію папы Климента XI отъ 6 сентября 1713 года, начинающуюся словомъ «Unigenitus», съ цѣлью ознакомить униатовъ съ тѣми заблужденіями, которыя осуждены папами и которыхъ должны избѣгать послѣдователи римской церкви ³⁵⁸). Послѣ обнародованія этихъ декретовъ предложено было подписать исповѣданіе папы Урбана VIII тѣмъ изъ депутатовъ, ко-

торыя отказались сдѣлать это на первомъ засѣданіи. Исповѣданіе было подписано, послѣ чего председатель объявилъ засѣданіе закрытымъ и назначилъ для слѣдующаго субботу 7 сентября. Но 7-го засѣданіе не состоялось и отложено, по причинѣ «массы другихъ дѣлъ» (*ob plurima negotia*), на 17-ое число того же мѣсяца. Подъ уважительными причинами или «массою другихъ дѣлъ», по которымъ третье засѣданіе было отложено на 17 сентября, нужно разумѣть позднюю явку на соборъ архіепископа Смоленскаго Лаврентія Друцкаго-Соколинскаго. Олѣ, вѣроятно, думалъ совершенно уклониться отъ участія въ засѣданіяхъ собора, кромѣ вреда ничего не ожидая отъ него для уни, и, для избѣжанія ответственности за дѣянія собора передъ униатами, счелъ благоразумнымъ пріѣхать въ Замостье только 12 сентября, въ надеждѣ, что къ этому времени соборъ уже окончится. Между тѣмъ, латинской партіи надо было во что бы то ни стало имѣть подъ исповѣданіемъ вѣры подписи Смоленскаго архіепископа, кathedра котораго была одною изъ самыхъ важныхъ въ униатской церкви, въ силу ея близости къ границамъ русскаго государства. Когда Друцкій-Соколинскій явился въ Замостье, къ нему тотчасъ приступили съ требованіемъ подписаться подъ формулою папы Урбана VIII. Послѣ долгихъ колебаній Друцкій-Соколинскій наконецъ уступилъ. 15 сентября онъ призналъ и подписался подъ исповѣданіемъ вѣры папы Урбана VIII, при чемъ акты собора, будто бы въ интересахъ точности, заявляютъ, что онъ собственноручно подписался подъ вышеупомянутымъ исповѣданіемъ на особомъ листѣ, а самое исповѣданіе произносилъ ясно, точно и громко (*clare, distincte ac verbis disertis emisit* ³⁵⁹). Еще раньше Смоленскаго архіепископа исполнили это легаты Львовскаго братства Стефанъ Ласковскій и Іоаннъ Чесниковскій, не согласившіеся подписаться подъ исповѣданіемъ вѣры папы Урбана VIII на первомъ и второмъ засѣданіяхъ. 6 сентября была составлена особаго рода конференція и на ней-то вышеупомянутые легаты исповѣдали вѣру по формулѣ Урбана VIII и засвидѣтельствовали этотъ актъ собственноручною подписью ³⁶⁰).

Такимъ образомъ, третье засѣданіе было отложено потому, что необходимо было покончить съ догматической стороной униатской церкви, усвоивъ ей исповѣданіе вѣры, составлявшее полное изложеніе главнѣйшихъ догматовъ римской церкви, а для этого требовалось, чтобы всѣ безъ исключенія члены собора единодушно его исповѣдали, признали и обязались распространять между своими подчиненными.

Но было и еще одно обстоятельство, вызвавшее перенесеніе третьяго соборнаго засѣданія съ 7 на 17 сентября. Выше мы говорили, что митр. Кишка, въ цѣляхъ ослабленія базилианскаго ордена и подчиненія его своей юрисдикціи, задумалъ образовать новую базилианскую конгрегацию изъ монастырей, находящихся на Волыни и Польшѣ. Дѣло въ томъ, что послѣ основанія Троицкой конгрегации, не всѣ базилианскіе монастыри вошли въ составъ ея, — ее преимущественно составляли монастыри Бѣлорусскіе и Литовскіе. Монастыри же на Волыни и въ Коронѣ, состоя въ вѣдѣніи епископовъ, не подчинялись протоархимандриту ордена. Базилиане, входившіе въ составъ Троицкой конгрегации, всѣми мѣрами стара-

³⁵⁷) Syn. prov., pag. 19.

³⁵⁸) Syn. prov., pag. 20.

³⁵⁹) Syn. prov., pag. 20.

³⁶⁰) Syn. prov., pag. 20.

лись присоединить къ ордену то тотъ, то другой монастырь, но базилиане Волыни и Польши упорно отстаивали свое status quo, частью по уваженію къ преданіямъ православной восточной церкви, въ которой монастыри подчиняются непосредственно епископской власти, частью потому, что подъ вѣдѣніемъ епископовъ они пользовались сравнительно свободою. Изъ этихъ-то монастырей, враждебно настроенныхъ противъ Литовскихъ базилианъ, митр. Кишка и рѣшился составить новую конгрегацію. Самымъ удобнымъ временемъ для этого онъ считалъ время соборныхъ засѣданій и думалъ осуществить свой проектъ на третьемъ соборномъ засѣданіи. 6 сентября, призвавши къ себѣ консультора (потомъ протоархимандрита) ордена Антонія Завадскаго, митр. Кишка сказалъ ему, что епископы соглашаются на то, чтобы базилиане, имъ подвѣдомые, составили новую конгрегацію и избрали себѣ генеральнаго начальника. Консульторъ Завадскій отвѣтилъ, что они могутъ избрать себѣ только провинціала, давая этимъ понять митрополиту, что они должны будутъ подчиниться генералу Троицкой конгрегаціи, уже существующей. Но митрополитъ, какъ будто не понимая намека консультора, спросилъ: «кому же подчинится новоизбранный провинціалъ?»—*Generali seu Protoarchimandritaе*, отвѣтилъ Завадскій. Тогда одинъ изъ окружавшихъ митрополита, сторонникъ его проекта, Мѣлецкій архимандритъ Пеговичъ, замѣтилъ консультору: «*Illustrissimus Dominus Metropolita est Generalis*». Хотя Завадскій возражалъ, что митрополитъ только «*Protector et Judex Appelationis; Protoarchimandrita est autem Generalis*»; но Пеговичъ его не слушалъ и повторялъ ему свое первое замѣчаніе: «*Illustrissimus Dominus Metropolita est Generalis*». На этомъ и кончилось совѣщаніе митрополита съ консульторомъ, но базилиане поняли, что митрополитъ не шутитъ и можетъ подчинить не только новую конгрегацію, но и Троицкую своему вѣдѣнію,—что равносильно было бы не только уничтоженію правъ и преимуществъ ордена, но и самаго ордена, устроившагося уже по образцу орденовъ римской церкви. Нужно было во что бы то ни стало разрушить планы митрополита и для этого Завадскій частнымъ образомъ явился къ нунцію и просилъ его покровительствовать дѣятельности и стремленіямъ Литовскихъ базилианъ³⁶¹). Опасаясь, какъ бы митрополитъ не организовалъ сильной партіи на соборѣ для осуществленія своего проекта, базилиане, вѣроятно, просили нунція пообещать нѣсколько съ третьимъ засѣданіемъ, чтобы съ своей стороны успѣть составить оппозицію сторонникамъ митрополита и епископовъ. Какъ увидимъ ниже, Замоискій соборъ дѣйствительно соединилъ монастыри Владимирской, Холмской, Луцкой, Львовской и Перемышльской епархій въ одну конгрегацію, хотя онъ не думалъ образовать изъ всѣхъ базилианскихъ монастырей Литвы, западной Россіи и Польши одну конгрегацію, подъ управленіемъ общаго протоархимандрита или генерала. Такимъ постановленіемъ Замоискій соборъ удовлетворилъ и сторонниковъ митрополита, не оставивъ безъ вниманія ихъ хлопотъ касательно образованія еще одной базилианской конгрегаціи, помимо существующей Троицкой, и базилианъ, увидѣвшихъ въ немъ (постановленіи) шагъ впередъ на пути къ подчиненію монастырей Короны власти Троицкаго протоархимандрита³⁶²).

³⁶¹) Чт. общ. ист. и древн. Рос. 1871 г., кн. II, отд. I, стр. 267—268.

³⁶²) *Syn. prov.*, pag. 55, прим. LXXXIX.

Помимо всего сказаннаго, была и еще одна причина, заставлявшая нунція повременить съ третьимъ засѣданіемъ. Митр. Кишка, всегда ревновавшій объ интересахъ блага униатскаго духовенства, рѣшилъ провести на соборѣ проектъ объ учрежденіи семинарій для подготовленія и образованія кандидатовъ во священство. Съ этою цѣлью онъ просилъ нунція дѣйствовать въ пользу указаннаго проекта на третьемъ засѣданіи и настоять на ежегодномъ взносѣ базилианами на Львовскую семинарію известнаго количества денегъ для образованія и содержанія въ ней воспитанниковъ изъ блага клира. Нунцій обѣщавъ свое содѣйствіе. Оставалось еще расположить къ тому же протоархимандрита ордена. Митр. Кишка, пригласивъ къ себѣ по этому дѣлу протоархимандрита Антонія Завадскаго, просилъ его дать подписку съ обязательствомъ взноса известной суммы на вышеупомянутую семинарію. Завадскій отказался. Мало того, когда базилианамъ стало известно о разговорѣ Завадскаго съ митрополитомъ, они письменно представили на судъ съѣхавшихся отцовъ якобы каноническія основанія въ томъ, что литовская конгрегація не должна и не можетъ обязывать себя подобными расходами; при чемъ указали на бесполезность этого проекта, имѣя въ виду то, что и вновь собранныя деньги подъ благовиднымъ предлогомъ могутъ быть обращены въ частную собственность митрополитовъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано съ пожертвованіями на Минскую семинарію³⁶³). Такимъ образомъ, изъ проекта митр. Кишки не могло выйти чего-либо хорошаго для блага духовенства и онъ не обѣщавъ пройти благополучно на соборѣ, но переговоры по этому дѣлу между митр. Кишкой и базилианами затянулись на нѣсколько дней, и нунцій до окончанія ихъ и до полного выясненія вопроса на частныхъ совѣщаніяхъ не рѣшался открывать третье засѣданіе. Должно еще упомянуть, что въ промежутокъ между вторымъ и третьимъ засѣданіями составлялись соборные акты и это также могло послужить причиной замедленія въ созваніи слѣдующаго засѣданія.

С. К. Павловичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

³⁶³) Чт. общ. ист. и древн. 1871 г., кн. II, стр. 270. *Недѣльскій*, стр. 212—213.

Содержаніе № 40.

Отдѣлъ I. Епархіальныя распоряженія и извѣщенія.—Вакантныя мѣста.

Отдѣлъ II. Хроника.—Защита св. апостоломъ Павломъ своего апостольскаго достоинства.—Опытъ исторіи Замоискаго униатскаго провинціального собора (1720 г.) (продолженіе).

Редакторъ Каѳедра́льный Протоіерей Николай Диковскій.